

Он брат моей подруги
Но считает сестрой меня

Буду твоей
сестрой

Амалия Март

Амалия Март
Буду твоей сестрой

«Автор»

2026

Амалия Март

Буду твоей сестрой / Амалия Март — «Автор», 2026

Я – настоящая самозванка. Живу в чужой квартире, вру чужому «брату» и стараюсь не пялиться на его кубики пресса. Безуспешно, конечно. Алан – колкий, насмешливый и невыносимо красивый. От одного его взгляда мурашки строем выходят хоронить всю мою волю, а искры, что летают между нами, уже подпалили квартиру. И это была бы идеальная история любви, если бы не одна проблема: он уверен, что я его сестра. Хотя, если честно, две. Ещё я поклялась не разубеждать его в этом.

© Амалия Март, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8

Амалия Март

Буду твоей сестрой

Пролог

Если бы мне кто-то сказал, что моя новая жизнь начнётся с вокзала, чемодана с отломанным колесом и чужого имени, – я бы, конечно, не поверила.

Я вообще не доверяю людям, которые уверенно говорят: «Всё будет нормально». Обычно после этой фразы начинается что-то очень ненормальное.

– Елка, ну пожалуйста! – Эвелина, она же Ветка, цепляется за мой рукав так, будто я – последний поезд на Москву. – Это шанс всей моей жизни!

– Ты уже говорила так про парня с татуировкой волка на всю-ю-ю грудину, – невозмутимо отвечаю я, пытаюсь выдернуть руку. – И про стажировку в Мухосранске. И про диету на гречке.

– Это другое! – Ветка трагически закатывает глаза, показывая всё, чему научилась за недолгое посещение театрального кружка в восьмом классе. – Это судьба!

– Ты не можешь так со мной поступить! – шиплю я.

Я в отчаянии. Я в гневе. Я в незнакомом городе с чемоданом в руке.

И лучшая подруга решила перечеркнуть все наши годами вынашиваемые планы ради едва знакомого мужика. Мало того, что это опасно, так еще и совершенно безрассудно!

– Елка, милая, ну я тебя прошу, такой шанс – раз в жизни выпадает! Это же Дубай!

Подруга строит жалостливую мордашку, которая не раз вытаскивала нас из по-настоящему дерьмовых ситуаций, и складывает ладони в умоляющем жесте. Ну как на такое не повестись... Сказал бы кто угодно, кроме меня. Ведь у меня стойкий иммунитет к ее манипуляциям развился еще в детсадовском возрасте.

– Твою мать, Ветка. Так нельзя! Просто... нельзя, – приглушенно заканчиваю я.

Отчаяние затапливает меня вместе с холодным потом и предпанической атакой. План был так прост: поступить в институт, приехать в столицу, покорить столицу. А теперь всё на волоске от гибели. Вся моя чертова будущая жизнь из-за какого-то Сережи, решившего прокатить мою подругу в жаркие страны. Хорошо, если с возвратом, а не в рабство.

Ветка обещала, что мы всё сделаем вместе, обещала не оставить ни на минуту и помочь во всём. Приютить на первое время. Поделиться матрасом, куском капкейка и возможностью найти работу и квартиру по карману. Мы обе принесли клятву на крови: что в богатстве и бедности, болезни и здравии, замужестве и...

– Можно! – хватая меня за руки, горячо говорит Ветка. – Езжай в квартиру. Скажешь Алану, что ты – это я. И живи себе спокойно, пока, ну... сама знаешь. Или я вернусь, или сама денег накопишь. Надеюсь, второе произойдёт раньше первого, – снова хихикает она, возбуждённо.

И я знаю это её маниакальное состояние. Она уже всё решила и никуда не отступится, какие бы доводы я ни приводила. Она всегда была импульсивной и смелой.

Но... занять её место? Так сильно её крыша ещё не протекала.

– Как будто твой брат не раскусит меня с первой минуты! – хмыкаю, поправляя сумку с ноутбуком на плече.

Я устала. Я раздражена. Я в отчаянии!

Но это я уже говорила.

Как я могу представиться ей её собственному брату?

– Да какой там брат, одно троюродное название. Мы с ним виделись последний раз, когда мне было девять, – цокает она. – Да пройди он сейчас мимо меня – ни за что не узнает! Так что ты вполне сойдёшь за меня, мы с тобой, как сёстры, сама знаешь: рост, цвет волос, глаз. Он ни за что не поймёт! Вот это будет угар. Только представь!

Она в очередной раз заливается смехом, будто всё это её очень веселит. Хотя скорее всего это действительно так. Она же собирается ехать в Дубай, а не экстренно искать себе ночлежку на ночь глядя.

– Ты серьёзно хочешь, чтобы я поехала жить к твоему родственнику под твоим именем? – уточняю ещё раз, так, на всякий случай. Может, моя крыша тоже подтекать стала?

– Не «жить», а временно пожить, – поправила Ветка. – Бесплатно! Елка, ты вообще слышишь это слово? Бесплат-но! – она даже произнесла его по слогам, как будто я могла не понять такого сложного экономического термина.

Я так-то на экономический поступила. Сама.

– Я слышу слово «уголовка», – мрачно подмечаю.

Присвоение чужой личности и всё такое. Наверняка в уголовном кодексе у этой статьи весьма цветастые циферки.

– Да ну тебя! – отмахивается Ветка. – Никто тебя не посадит за то, что ты поживёшь пару недель под чужим именем.

– Это называется «мошенничество», если что, – продолжаю гнуть свою линию.

– Это называется «выживание в Москве», – парирует подруга. – Ты сама хотела накопить на съёмную квартиру. Вот тебе идеальный вариант. Живёшь бесплатно, откладываешь деньги, потом съезжаешь. Всё!

– Так неправильно, – устало переминаюсь с ноги на ногу и снова поправляю сползающую с плеча сумку. – К тому же ты знаешь, я не умею обманывать.

– О, боги, Элинка, это просто классное приключение. Ты немного побудешь мной, а я... побуду наконец собой. Без всех этих нравоучений и родительского шантажа. Поживу хоть немного жизнью, о которой мечтаю. Ты же знаешь, в гробу я видела этот институт, учёбу, сессии и вообще. У меня только-только первая тысяча подписчиков собралась. Сейчас наклепаю контент из Эмиратов, соберу целевую и как выстрелю! И не придётся просиживать штаны на скучных лекциях у старперов. Заживу и без родительских донатов!

Я тяжело вздыхаю и разминаю уставшую шею. Слишком мало времени, чтобы всё обдумать. Ветка до последней минуты не говорила мне о своих грандиозных планах, иначе я бы не поехала – она знает. В местном экономическом мне общагу бы дали. А тут... Я сделала это только потому, что поверила в её безумный план.

Но её планы оказались очень гибкими.

– Пожалуйста, Елка. Если не ради меня, то сделай это ради себя. Я знаю, как ты мечтала тут учиться. А теперь твои проблемы с жильём решены. Не придётся спать со мной в обнимку. Я ужасно пинаюсь во сне, ты же знаешь.

Ей всё же удаётся вырвать из меня смешок.

– Всего-то надо немного побыть Эвелиной, а не Элиной, – доверительно заглядывает в мои глаза и переплетает наши пальцы. – И то, только для одного человека. Больше никого обманывать не придётся. Родителей я беру на себя. А с «братиком» даже разговаривать не обязательно. Вы, может, даже видаться там особо не будете. Там же двушка! Разошлись по своим комнатам – и всё! Спокойно занимайся своими делами, не спеши ищи подработку, больше не нужно никуда гнаться и выживать, Ель. Я делаю это и для тебя тоже.

Похоже, я брежу после двух с лишним дней в душном поезде без кондиционера, с ротой немых солдат по соседству, но, кажется, я в шаге от согласия.

– Давай же, Э-ли-на! – давит на меня подруга. – Это идеальный план! Главное – никому меня не выдавай. Я родителям буду каждый день писать, как прекрасно мы уживаемся с «братиком» и как мне нравится в институте. С тебя просто фотки. И клятва на крови.

Вот чёрт.

Опять она за своё.

– Никакой больше крови! Тот шрам пришлось татушкой перекрывать, – давлю нервный смех.

– Ну классная же вышла ветка, – широко улыбается подруга, оголяя своё запястье. – Как и моя ёлочка.

И это будет посильнее слов клятвы. Навсегда вместе. В горе и радости и дурацких татуировках...

Я не сдерживаю протяжного вздоха.

Смотрю на свой чемодан.

Сломанное колесо. Потрёпанный вид. Внутри – половина моей жизни, аккуратно сложенная между свитерами и надеждами. Москва, съёмная квартира, которую я пока не могла себе позволить. Работа, которую ещё нужно найти. И реальность, в которой мне придётся выкручиваться самой.

Перевожу взгляд на Ветку. У неё всё всегда было проще. Но сейчас...

Сейчас она смотрит на меня с такой надеждой!

– Ладно, – сдаюсь я.

– Ладно? – подпрыгивает на месте.

– Ладно, – обречённо повторяю я. – Побуду немного тобой. Ради себя, конечно, – закатываю глаза и улыбаюсь.

– Конечно, конечно, – прыгает от радости подруга. – Только... клятва!

Я тяжело вздыхаю и поднимаю правую руку.

– Клянусь ни словом, ни действием никому не выдавать, что я – не ты. Пока ты сама не объявишься.

– ...самым ценным, что у меня есть... – подсказывает счастливая Ветка.

– Самым ценным, что у меня есть, – серьёзно добавляю я. – Нашей дружбой.

– Вот так! – отвечает мне звонкую пятерку и кидается в объятия. – Я, если что, сфотокала паспорт Серёжи и кинула его тебе в «Максе». Если я пропаду... Ну, знаешь, на всякий случай, – быстро тараторит мне на ухо. – Я ему, конечно, верю, но эти масики нынче... сама знаешь, сплошные штрихи. И буду писать тебе каждый день. Может, по несколько раз. Может, даже буду закидывать тебя слащавыми фотками. Потерпи, короче. Люблю тебя. Спасибо, – сжимает меня ещё крепче, а потом отступает. – Мне пора на «Аэроэкспресс». Я беру с собой только сумку, надеюсь, что масик купит мне всё там, так что захвати, плиз, мой чемодан тоже. Такси ждёт тебя уже минут двадцать, так что за ожидание, наверно, накапало, но это проблемы Серёжи. Ни о чём не парься! – продолжает трещать на едином вдохе. – И да. Если Алан однажды подкрадётся к тебе сзади – сразу бей в нос. Скорее всего, у него в руках мерзкий жук и он хочет засунуть его тебе в трусы. Хотя надеюсь, он это перерос.

За всей этой длинной тирадой я даже не успеваю понять, как оказываюсь в машине с шашечками. Ветка захлопывает за мной дверь и радостно машет мне с тротуара. Я улыбаюсь ей в ответ, изо всех сил стараясь сохранять оптимизм, которым она меня заразила.

Да, всё будет хорошо.

Однозначно.

Подумаешь, немного побыть ей. Будет что рассказать внукам... Или адвокату!

Вот. Дерьмо.

Глава 1

Если бы у меня была привычка вести дневник, запись за этот день выглядела бы так:
«Дорогой дневник, сегодня я приехала в Москву, на серьезных щах собираюсь притвориться другим человеком и искренне надеюсь, что мне за это ничего не будет. Пожелай мне удачи. Или хотя бы мозгов на будущее».

В очередной раз глубоко вздыхаю.

Потом ещё раз.

И ещё.

На что я, мать его, согласилась? Ветка не иначе курсы гипноза прошла втихаря, раз сейчас попивает латте в зале ожидания аэропорта, а я тут вместо нее принимаю все тяготы судьбы.

Тащить два чемодана – ужасно энергозатратно. Взмыленная, потная, дико уставшая и сильно нервничающая, я, наконец, добираюсь до квартиры, где должна была некоторое время погостить на птичьих правах.

Унимаю легкий внутренний мандраж и вжимаю дверной звонок до упора. А потом снова. И снова, пока не слышу шорох по ту сторону двери.

Ну наконец-то.

Дверь открывается с яростным ревом:

– Шесть, мать его, утра!

Я немного отпрыгиваю назад, не ожидая такой встречи. Такой... полуголой, если честно, встречи. Держась за дверной косяк, из дверного проема свешивается обнаженный по пояс парень, очень лохматый и очень помятый. Как будто предыдущая ночь была очень насыщенной, а утро его лично оскорбило солнечным светом и мной на пороге.

Невольно скольжу взглядом по жилистым плечам и фактурному животу, с намеком на v-образную галочку, уходящую в свободные низко сидящие штаны и тут же себя одергиваю. Господи, совсем как дикая. Будто никогда не зависала на видосах со скачущими на скакалке мужиками. Этот мог бы составить им конкуренцию.

Черт.

Совсем, совсем неподобающие мысли для “сестренки”.

– А, точно, – оглядывая меня тяжелым взглядом из-под опущенных век, хрипит лохматый. – Сегодня суббота. Маман же напоминала.

Уверенным взмахом руки он распахивает дверь и отступает вглубь квартиры, слегка пошатываясь.

– Проходи, систер. Бразер тебя ждал, – насмешливо кидает он.

И это все? Так просто? Наверное, я до последнего не верила, что он не раскусит меня с первого же взгляда. Ну каковы были шансы, правда?

Стойкое облако перегара забирается в легкие, едва я делаю шаг через порог. Гремят уцелевшие колесики чемодана, загорается верхний свет. Черт, он правда мог бы стать звездой рилсов. Даже то, как он морщится от света, откидывая непослушные кудри с лица, выглядит невероятно залипательно.

Вот это у Ветки генеалогическое древо.

Пока я затаскиваю второй чемодан, “братик” шаркающей походкой направляется вглубь квартиры, оставляя мне привилегию самой справляться с тяжестями.

Джентльмен.

Ничего, как раз хотелось ощутить это пресловутое веяние феминизма.

Приставляю чемоданы к стеночке и со вздохом облегчения приземляюсь на пуфик у двери. Пока расшнуровываю кроссы, оглядываю квартиру. Наверное, примерно так я ее и

представляла. Когда начинаешь фантазировать о жизни в столице ждешь именно этого: что с порога попадешь прямо в гостиную с шикарным ремонтом, наткнешься взглядом на плазму в полстены, а стоит развернуться, уже стоишь в кухонной зоне. Современно. И слишком уж приторно-вылизано. Что подозрительно.

Постоянного жильца тут выдают разве что такие мелочи, как кружка с Дедпулом на столе, гора сваленных конспектов рядом и ярко-малиновая толстовка, переброшенная через спинку дивана.

Явно женская.

Чудненько.

Нахожу взглядом Алана и с новым витком любопытства изучаю его. Он опирается рукой в столешницу кухонного островка и жадно присасывается к бутылке с водой. Его кудрявая голова запрокинута назад, глаза закрыты, а горло жадно глотает. Как только бутылка пустеет, он отрывается от горлышка и издает такой стон удовольствия, что у меня мурашки бегут по рукам.

Очень уместно, извращенка.

Его чуть просветлевший взгляд находит меня, и он задумчиво щурится.

– А ты вообще разговариваешь? Помнится, ты была довольно крикливая... и косоглазая. Криво усмехается.

– Я никогда не была косоглазой! – возмущаюсь от всей души.

И Ветка не была. Вот же... придурок!

И почему все красавчики такие?

– Да пошутил я, – открывает нижний ящик и закидывает пустую бутылку в мусорное ведро. – Просто хотел вспомнить твой чудесный голосок. Кажется, после того единственного лета в твоей компании я стал плохо слышать правым ухом. Видимо, через четыре года оглохну окончательно, – выпрямляется и, нагло потягиваясь, до выпирающих ребер на торсе, идет в сторону комнаты.

И все? Знакомство окончено?

– Стой! – останавливаю «братика». – А где мне... разместиться? Шкаф? Кровать? Дверь, отделяющая меня от твоего говеного характера.

Алан издает тихий смешок и широко разводит руки.

– Так вот. Все твое, ни в чем себе не отказывай. В мою комнату не соваться, мою бритву в ванной не трогать, – заключает и снова поворачивается к своей комнате.

– В смысле «вот»? – не понимаю я.

Хотя вру. Все я понимаю, просто ни черта мне это все не нравится.

– В смысле: гостиная и кухня – твои, я не претендую, – широко зевая, берется за ручку двери. – В ванной разберешься, – машет в сторону двери на другом конце гостиной. – Шкафа нет, сорян.

И скрывается за дверью.

Вот и отлично. Вот и познакомились.

Добро пожаловать во временный дом, Елка.

Тебе здесь очень рады.